

Н.В. БАСОВ

СОЗДАНИЕ ЗНАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРАКЦИИ

Статья направлена на выявление принципов динамического коллективного порождения знания в ходе пространственно локализованной социальной интеракции. Знание рассматривается как результат структурного сопряжения третьего порядка, обеспечивающего группе адаптивную способность и способность к действию. Создание знания определяется как формирование оригинальных комбинаций (сетей) индивидуально и контекстуально укорененных смыслов. Проводится анализ взаимосвязи знания с коммуникативными и эмоционально-энергетическими аспектами межличностного взаимодействия. Демонстрируется, что процесс знание-порождения всегда локализован в некотором общем пространстве опыта, создавая и изменяя которое индивиды осуществляют совместную трансформацию знания. Предлагается модель ритуала создания знания — ключевого механизма коллективной интеллектуальной работы, который обеспечивает динамическое сопряжение индивидов в общем пространстве опыта.

Ключевые слова: знание, пространственно локализованная социальная интеракция, общее пространство опыта, структурное сопряжение, сеть смыслов, коммуникация, эмоциональная энергия, ритуал создания знания.

Басов Никита Викторович — кандидат социологических наук, научный сотрудник факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. **Адрес:** 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. **Телефон:** 8 (812) 710–35–94.
Электронная почта: Nikita.Basov@gmail.com

Статья подготовлена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект НИР 0.38.171.2011 «Сетевые структуры науки: создание знания в интеллектуальном ландшафте» из средств федерального бюджета и проект 10.23.476.2011 «Коммуникативные практики создания знания в социальном пространстве современного города» внебюджетных НИР факультета социологии СПбГУ).

Введение

В современном обществе инновационное развитие становится одним из основных трендов цивилизационных стратегий. В числе наиболее значительных из них — стратегия построения общества знания, формы общества, в котором знание играет структурообразующую роль и обеспечивает создание инноваций. С распространением данной стратегии знание начинает рассматриваться как основа социальных отношений и социального порядка и становится объектом пристального внимания уже не только ученых, но и политиков, экономистов и управленцев. Как отмечается во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», главной «инструкции по применению» стратегии общества знания, «тот факт, что передача и распространение знаний приобретают столь существенное значение в новых обществах знания, свидетельствует о том, что мы наблюдаем не только ускорение появления новых знаний, но и растущий интерес всего общества к этим новым знаниям» [9, с. 59–60].

Отнюдь не отрицая высокого потенциала идеи общества знания, нельзя не заметить (в том числе, и в приведенной формулировке ЮНЕСКО) тенденции видеть в увеличении скорости распространения знания признаков роста динамики знаниепорождения. В действительности же экспансия знания еще не означает его новизны. Возникает проблема, когда генерирование новаций перестает быть приоритетным интересом для практиков, осуществляющих управление общественным развитием, и проблематика творчества подменяется проблематикой распространения результатов творчества.

Данной практической проблеме соответствует проблема научная. Так, социальный конструктивизм вполне резонирует с упомянутой политической трактовкой знания и исходит из того, что знание представляет собой коллективный конструкт, совместно поддерживаемый членами общества и выступающий основанием социальности, фокусируясь на неосознанных рутинных действиях, которые направлены на «воспроизводство заднего плана опривыченной деятельности» [3, с. 91]. Это свойственно и большинству других подходов к знанию, развиваемых в социологии, экономике и менеджменте. Остаются открытыми вопросы о точках роста, о том, как возникает то знание, которое затем легитимизируется и институционализируется, что особенно актуально для динамично развивающегося общества.

Мы полагаем, что для решения названных проблем как с научной, так и с практической точки зрения полезно обратиться не столько к заднему, сколько к переднему плану деятельности, не к рутинному бессознательному воспроизводству знания, но к сфокусированному знаниепорождению. При этом, учитывая усиление роли коммуникации в создании знания и рост коммуникативной динамики в современном обществе, связанные, прежде всего, с бурным развитием

информационно-коммуникационных технологий, по-видимому, необходимо искать механизмы коллективного порождения и институционализации знания не столько в процессах непосредственного наблюдения и копирования физического действия одних индивидов другими, как это делают конструктивисты, сколько в динамических процессах коммуникации между индивидами.

Цель данной статьи — выявление принципов динамического коллективного порождения знания в ходе пространственно локализованной социальной интеракции.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: (1) предложить определение знания, соответствующее цели работы; (2) выявить ключевые факторы процесса коллективного знанияпорождения; (3) проанализировать роль локального контекста в создании знания; (4) определить ключевой механизм, действующий в процессе коллективного порождения знания в общем пространстве опыта.

В работе мы основываемся, прежде всего, на элементах теории аутопоззиса У. Матураны и Ф. Варелы (и ее социальных приложений, разработанных Н. Луманом), теории и методологии социального конструктивизма (прежде всего, в том его варианте, который был предложен в качестве основы социологии знания П. Бергером и Т. Лукманом), феноменологической социологии А. Шюца, теории интерактивного ритуала И. Гофмана и Р. Коллинза, некоторых теоретических идеях К. Маннгейма, входящих в состав его социологии знания, а также отдельных эмпирически подтвержденных теоретических разработках когнитивистики.

Знание как результат структурного сопряжения

Знание укоренено в структурах психических систем индивидов (индивидуальных представлениях), «...всякое познание зависит от структуры познающего. <...> [О]но коренится в самом образе жизни познающего как живого существа, в его организации» [14, с. 30], его памяти и личной истории. Не удивительно, что знание имеет ярко выраженную субъективную составляющую: «сила» знания определяется не столько его объективной достоверностью (которая, по-видимому, не достижима окончательно), сколько убежденностью, верой индивидов в его достоверность и эмоциональной яркостью образов [51¹].

Как показывают исследования, проведенные в последние годы в

¹ Здесь и далее дается ссылка на английский оригинал книги М. Полани, поскольку ее перевод (*Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии* / Под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1995) представляется нам не вполне точным в той части, которая важна для данной статьи.

когнитивистике и нейрофизиологии, между образами и восприятием всегда существует ряд качественных различий, которые не позволяют считать образные представления просто «ослабленными копиями» предыдущих сенсорных воздействий, особенно когда речь идет о продуктах творческого воображения, «часто имеющих гипотетический и даже явно фантастический характер» [6, с. 56]. Причем зачастую такая реальность внутренних образов сознания оказывается сильнее реальности внешней. «Пластическое богатство нервной системы находит выражение не в создании “энграмм” или образов предметов окружающего мира, а в ее непрерывной трансформации, происходящей в соответствии с трансформациями окружающей среды» [14, с. 150].

Индивиды не получают свои представления как данность, а выработывают собственные аппрезентативные соотношения² [20, с. 463–466] с учетом получаемых из внешней среды информационных импульсов, наложенных на индивидуальные особенности восприятия, эмоциональное состояние, существующий образ мира и предшествующий опыт. При этом основную часть структур, представляющих окружающий мир, психика не формирует на основе отдельных элементарных данных, получаемых от органов чувств, а непрерывно конструирует в зависимости от предшествующего опыта, специфики психики и особенностей конкретной ситуации [20, с. 10–13]. Это обусловлено *операциональной замкнутостью* психической системы [14]³. Поэтому индивидуальные представления следует понимать как состояния индивидуальных когнитивных структур (биологической основой которых являются состояния нейронных ансамблей в мозге), принимаемые под влиянием внешних импульсов, но не являющиеся их прямым отражением.

Воздействия внешних импульсов на психику индивидов имеют, однако, значительную силу. Именно в процессе взаимодействия индивидов с объектами внеиндивидуальной реальности происходит

² По Гуссерлю, аппрезентативное соотношение — это непрямая ассоциация, уподобляющая апперцепция, при которой две или более сущности, интуитивно даются в единстве сознания, конституирующего их как связанные, независимо от того, направлено ли на них внимание. В качестве аппрезентативных соотношений могут рассматриваться как пары, образованные актуально воспринимающимися данностями, так и пары, образованные воображаемыми/вспоминаемыми данностями.

³ Под операциональной замкнутостью в теории аутопоэзиса подразумевают отделенность системы от среды в смысле независимости ее развития и структурной адаптации от внешних воздействий. Согласно этой концепции, поведение всех сложных живых систем определяется сетью внутренних процессов, действие которых невидимо за пределами этой сети и может быть полноценно объяснено только на языке данной системы.

зарождение и изменение индивидуальных когнитивных структур через формирование аппрезентативных соотношений и связей таких соотношений. Индивид также воздействует на среду в процессе изменения собственных представлений и способов действия, конструируя и изменяя объекты внеиндивидуальной реальности.

В результате таких взаимных влияний формируется последовательность рекуррентных (регулярно повторяющихся) взаимодействий, обуславливающих структурную конгруэнцию между индивидом и средой, которую в теории аутопоэзиса называют *структурным сопряжением второго порядка* [14, с. 68]⁴. Знание подразумевает такое сопряжение с конкретной средой и немисливо вне этого сопряжения (см., например: 45, 2]), которое позволяет индивиду действовать адекватно среде и поддерживать эволюционную устойчивость. Среда определяет то, с какими вызовами сталкивается индивид, какие практики и стратегии он вынужден использовать, какими навыками должен обладать. Именно из среды приходит обратная связь — реакция на поведение, учитывая которую индивид корректирует свое дальнейшее поведение. Поэтому при изучении механизмов создания знания следует рассматривать внутри- и внеиндивидуальные феномены в их единстве. Данный принцип является исходным для исследований *распределенного познания* (distributed cognition).

Несмотря на то, что структурное сопряжение индивида со средой необходимо для существования знания, его не достаточно. Знание возникает в результате так называемого *структурного сопряжения третьего порядка* — сопряжения между психиками индивидов, взаимодействия между которыми приобретают рекуррентный характер, — и их совместного сопряжения с общей средой [14, с. 160–164]. Только рекуррентное резонансное соотношение множества индивидуальных представлений, адекватных определенной общей среде, может обеспечить существование знания. Знание требует динамического межличностного взаимодействия, поддерживающего определенную систему связей в сети индивидов и объектов. «Кто-либо воспринимает собственные идеи только покуда он(а) находится в режиме общения. Мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов», — отмечает Р. Коллинз [10, с. 46]. Это, конечно, не означает, что процесс создания знания не включает этапов внутренней работы. Однако даже в эти периоды имеет место значительное влияние межличностных взаимодействий, вне зависимости от того, осознает это индивид или нет. Как указывают нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела, «сознание и разум

⁴ *Структурное сопряжение первого порядка* в теории аутопоэзиса — сопряжение элементов в живых организмах.

лежат в области социального сопряжения, именно там источник их динамики» [14, с. 206]. На то, что знание подразумевает интеракции, указывали многие исследователи в области социологии, психологии и когнитивистики, в частности Д. Блур, Б. Латур, Н. Штер, М. Мински, К. Карли, Х. Голлоб, Дж. Ло и др. [см., например: 26, 27].

Одновременная индивидуальная, средовая и межличностная укорененность знания подразумевают, что ни одной из этих составляющих не достаточно для существования знания. С одной стороны (вопреки основной установке «сильной» программы социальной эпистемологии [26]), конституирующие знание индивидуальные представления не являются всецело детерминированными обществом. Их конструкторами, создающими новые комбинации, являются именно индивиды как операционально замкнутые психические системы. В то же время, хотя каждый индивид и может «знать», он не способен «обладать знанием», которое одновременно погружено в сети социальных взаимодействий, участников этих взаимодействий и контексты. Индивид может осуществлять познание как элемент процесса создания знания, но о возникновении знания мы можем говорить лишь в том случае, когда состояния нервных систем и психик людей оказываются сопряженными между собой и со средой.

Таким образом, знание существует как эмерджентный результат взаимодействия людей в контексте и не может быть разделено или отторгнуто от людей, интеракций и контекстов, в отличие от информации, которая в этом отношении является куда более «мобильной».

Исходя из сказанного *знание* можно определить как динамическую рекуррентно воспроизводимую сеть одновременно индивидуальной и объектно укорененных аппрезентативных соотношений, сопряжение которых достигается в общей среде в результате взаимодействия, вовлекающего психические системы индивидов и объекты окружающей реальности, что позволяет социальной общности как целостности действовать адекватно среде и поддерживать свою структурную устойчивость. С точки зрения отдельного субъекта знание есть причастность к сети сопряженных аппрезентативных соотношений, резонирующих между собой, создаваемых и воспроизводимых в интеракции и погруженных в общий контекст. Комплекс всех сетей соотношений, в которые включен индивид, определяет его картину мира. Соответственно, отсутствие подсоединений к сетям соотношений будет означать неспособность знать.

Таким образом, мы предлагаем понимание знания как исключительно коллективного, создаваемого и воспроизводимого в интеракции, контекстуально обусловленного феномена. Наше понимание знания, таким образом, отличается от его трактовки как собственных представлений о мире, предлагаемой П. Бергером и Т. Лукманом [3,

с. 30], равно как и от шюцевской концепции «разумно обоснованных мнений» «хорошо информированного гражданина»⁵.

Погруженность в индивидуальные структуры психики в то же время отличает нашу концепцию знания от концепции коллективных представлений. Последние обычно понимаются как надиндивидуальные, навязанные, не зависящие в своем бытии от отдельной личности, а также передающиеся от поколения к поколению [37]. Знание же в нашем понимании определяется в равной мере межличностными, личностными и контекстуальными факторами и без их взаимодействия немислимо, поскольку в противном случае оно не будет иметь необходимой укорененности и адаптивной ценности, ощущаемой каждым индивидом и обеспечивающей, по Н. Штеру, способность к действию [54]. В этом смысле значительно ближе к нашей концепции знания лежит концепция социальных представлений, разработанная С. Московичи [49], «свойств обыденного практического мышления, направленных на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения» [16, с. 185]. Однако, при сходной индивидуальной и средовой укорененности, знание, сетевое по своей структуре, подразумевает куда более высокую степень творческой свободы в создании индивидуальных представлений, допускает куда большую вариативность этих представлений, соединенных в единую неоднородную сеть динамически порождаемых и институционализируемых вариаций. Выраженное в сетях постоянно реконфигурируемых аппрезентативных соотношений и относящееся не только к сфере обыденного знания может быть значительно более отклоняющимся (нетривиальным) относительно общепринятых установок. В результате знание может быть куда более неоднородным в отдельно взятые моменты времени, чем социальные представления, и существенно быстрее эволюционировать.

Источники динамики знания. Со-порождение знания, коммуникации и эмоциональной энергии

Если рассматривать порождение знания как процесс формирования и развития знаниевых сетей, являющийся результатом структурного сопряжения третьего порядка, то необходимо отказаться от идеи гегемонии какой-либо из трех групп явлений (личностных, средовых или межличностных) и принять исследовательскую установку на рассмотрение знания как феномена, имеющего коммуникативную природу. В этом случае анализ природы знания может основываться на предложенной У. Матураной и Ф. Варелой концепции аутопоэзиса

⁵ Индивид, стремящийся «иметь разумно обоснованные мнения в областях, которые представляют для него, по меньшей мере опосредованно, интерес, хотя и не имеют отношения к его конкретной цели» [21, с. 225] (Э. Гидденс, Н. Луман и У. Бек позднее говорили об обществе таких информированных граждан как о рефлексивном модерне).

[14]. Данная концепция наглядно демонстрирует, что взаимодействие с окружающим миром, коммуникация и индивидуальный жизненный опыт неразделимы. Индивиды при этом рассматриваются как операционально замкнутые и обладающие собственной феноменологией, но сопряженные аутопоэтические системы, которые запускают с помощью коммуникации изменения состояний друг друга и осуществляют «ко-онтогенез» в общей среде. В результате происходит следующее: новые комбинации смыслов создаются не внеиндивидуально, но каждый индивид координирует свои внутренние аппрезентативные соотношения с другими, учитывая контекст.

Будучи распределенным и укорененным в индивидах, объектах и интеракциях между ними, знание не может в буквальном смысле быть передано и принято. Как показывают применивший концепцию аутопоэзиса к анализу общества Н. Луман и, вслед за ним, Р. Штихвей, поскольку психические системы людей являются операционально замкнутыми, не существует и не может существовать никакого непосредственного контакта между двумя системами сознания, никакая система сознания не может со своими мыслями напрямую «подключиться» к представлениям другого сознания [12]. Уникальность и принципиальная непознаваемость психических структур Другого определяется не только врожденной индивидуальностью, но и индивидуальностью жизненного опыта. По выражению Щюца, «никогда <...> мы не сможем постичь индивидуальность Другого в его неповторимой биографической ситуации» [20, с. 20].

Вследствие принципов укорененности и операциональной замкнутости ни из индивидов, ни из их отношений, ни из контекста среды знание нельзя «извлечь» и «передать». В этой ситуации вызывает большие сомнения такая концепция, как «трансфер знания» [22]. Представляется неудовлетворительной также концепция эксплицитного знания [50]: ведь не отдельная разновидность знания, но все многообразие знания является имплицитным. Передаваться же может лишь информация.

***

Внимание к информации, оказывающейся единственной передаваемой сущностью, с помощью которой может быть налажено сопряжение индивидуальных представлений, определяет необходимость уделять особое внимание *коммуникации* как обмену информационными сообщениями в шэнноновском смысле [53]. Передающая информацию коммуникация оказывается единственным медиумом, который делает возможным возникновение знания как сопряжения индивидуальных операционально замкнутых систем.

Существует ряд базовых позиций, подтверждающих и раскрывающих коммуникативную природу знания, которые составляют аксиоматическое ядро нашего понимания связи знания и коммуникации.

Эти позиции были доказаны предшествующими исследователями и не противоречат концепции операциональной замкнутости.

Во-первых, знание «генетически социализировано» [20, с. 63], то есть его генезис имеет социальную природу: аппрезентативные соотношения строятся на усваиваемых в ходе коммуникации социально одобренных терминах и образах языка, фиксирующих ключевые типизации.

Во-вторых, знание существует только как соотношение смыслов. Порождение знания подразумевает комбинирование и рекомбинирование различных несводимых друг к другу смысловых позиций, сцепление одних смыслов с другими. Это происходит через обозначение своей позиции в пространстве смыслов, выявление позиций наблюдаемых других и определение отношений между различными позициями, а следовательно, подразумевает прямую межличностную или опосредованную коммуникацию индивидов.

В-третьих, знание контекстуально, «особенность получения знания служит ключом к его пониманию» [13, с. 24], а когнитивные структуры не сводимы к внутриличностным ментальным структурам [40, р. 303]. Контекст же всегда коммуникативен, он провоцирует коммуникацию. Поэтому одним из важнейших признаков знания является соответствие определенному социокультурному и природному контексту. Причем в одних контекстах легитимным будет научное знание (например, западное общество модерна), в других — религиозное знание (средневековая Европа), в третьих — магическое знание (большинство индейских племен Северной Америки) и т. д. Проблема истинности или ложности знания решается через критерий адекватности: если выработанные представления способствуют эволюционной устойчивости социальной общности и позволяют ей действовать в данном контексте — значит, можно говорить о наличии «верного» знания.

В-четвертых, знание всегда социально и материально распределено, то есть эмерджентно возникает и существует как глубоко погруженное в психику индивидов и объекты внешней реальности. При этом знание несводимо к отдельным представлениям или объектам, не может быть объяснено через простое суммирование составляющих⁶, каждая интерпретация и каждый объект лишь частично влияют на общую целостность знания [20, с. 63]. А значит, целостность знания не может поддерживаться иначе, как в непрекращающейся коммуникации.

В-пятых, знание институционализируется в результате коммуникативных интеракций [34]: оно подразумевает консенсус многих акторов по поводу тех позиций в оценке реальности, которые предлагаются

⁶ Такое понимание знания мы встречаем, в частности, у Шюца, который также указывал на социальную распределенность знания [20, с. 63, 519].

создателями идей [26]. То, что отвергнуто, не признано — это не просто отвергнутое знание, но вообще не знание.

Итак, коммуникация является необходимым условием и средством создания знания (что доказано и эмпирически [см., например: 56]).

В то же время, возникновение коммуникативных связей испытывает одновременное влияние структуры и состава имеющегося знания, а наличие знания увеличивает вероятность возникновения между индивидами коммуникативной связи [47, р. 91; 48]. Поэтому можно сказать, что знание в определенном смысле порождает коммуникацию. Таким образом, в процессе взаимодействий индивидов знание и коммуникация порождают друг друга, поэтому при анализе процесса создания знания необходимо помнить, что знание и коммуникация являются собой неразрывное единство. При этом необходимо четко разграничивать знание (то, что существует при помощи коммуникации) и информацию (то, что передается посредством коммуникации).

***

Помимо коммуникации важно рассмотреть и еще один ключевой фактор знанияпорождения — *эмоциональную энергию*. Данный термин был предложен Р. Коллинзом для описания того, как под воздействием социальных интеракций происходит непрерывная трансформация чувств и переживаний индивидов [30, 31], которая влияет на их психическую активность, способствует интуитивному постижению друг друга и сопряжению со средой. Эмоциональная энергия возникает как ощущение вдохновения, в том числе — от ожидания успешной интеракции — и стимулирует творческую активность [30, с. 107–108].

Действительно, известно, что со-порождение знания и коммуникации, связанное с постоянным формированием и реконфигурированием индивидуальных представлений и попытками описать их в коммуникативном пространстве, требует больших усилий и энергетических затрат субъектов [18]. В работах крупнейших психологов, от Л. Выготского [43] до А. Леонтьева [11], показано, что ничего нельзя выяснить о познании и разуме без анализа эмоциональной составляющей, которая является ядром коллективной деятельности и сознания. Возможно, именно эмоции непосредственно связывают биологическую и психическую системы человека. Наконец, в когнитивистике было продемонстрировано, что в чистом виде аффективные и неаффективные когнитивные процессы встречаются лишь в качестве исключений, а обычно они неразрывно связаны в едином потоке [39].

Эмоции также «вплетены» в ткань материальной реальности: создание значимых аппрезентативных соотношений, укорененных в материальных объектах, творение таких объектов и поддержание сформированных связей с необходимостью вовлекает чувства и эмоции [17, с. 433] и, очевидно, требует энергии. Уже увязанные в значимые

аппрезентативные соотнесения, дающие и ограничивающие возможности, материальные объекты вызывают как позитивные, так и негативные эмоциональные переживания [45, р. 136], способные придавать знанию особую ценность, заряжая его страстью, или напротив, обесценивать его [51, р. 142], тем самым оказывая воздействие на процесс создания знания и коммуникативный процесс. Эмоции поддерживают осознание значимости знаниепорождающей деятельности и соответствующих событий, придают событиям и действиям силу, осязаемую «реальность» и релевантность опыту, влияют на оценку контролируемости события, готовности к событию, желательности его возникновения [24].

Ввиду сказанного, сложно согласиться с объективистским подходом, согласно которому эмоции рассматриваются как шум, мешающий созданию знания [33, р. 175]. Напротив, пристрастность и увлеченность следует интерпретировать как позитивные факторы создания знания.

В то же время, справедливо и обратное. Эмоциональная энергия возникает на индивидуальном уровне как когнитивное ожидание успешной интеракции, ожидание ощущения взаимопонимания и вовлеченности [30, р. 107–108]. Успехи в создании знания, особенно в увязывании собственных представлений с окружающей действительностью, пробуждают эмоциональную энергию.

Таким образом, можно сказать, что знание и эмоциональная энергия порождают друг друга. Не случайно, пытаясь создать знание, акторы обычно стремятся обеспечить особую эмоциональную атмосферу, важную для возникновения полноценных эмоциональных переживаний, которые потом трансформируются в комплексные состояния, связанные с осознанием и пониманием [15] и с помощью коммуникации вовлекаются в процесс порождения знания.

Следует добавить, что эмоциональная энергия и коммуникация также влияют на развитие друг друга. Именно коммуникация в ходе межличностного взаимодействия является наиболее эффективным способом возобновления эмоциональной энергии, и в то же время, решения о возобновлении коммуникации принимаются на основе ожиданий и опыта предшествующих взаимодействий, а также исходя из эмоционального состояния (как своего, так и потенциального коммуникативного партнера).

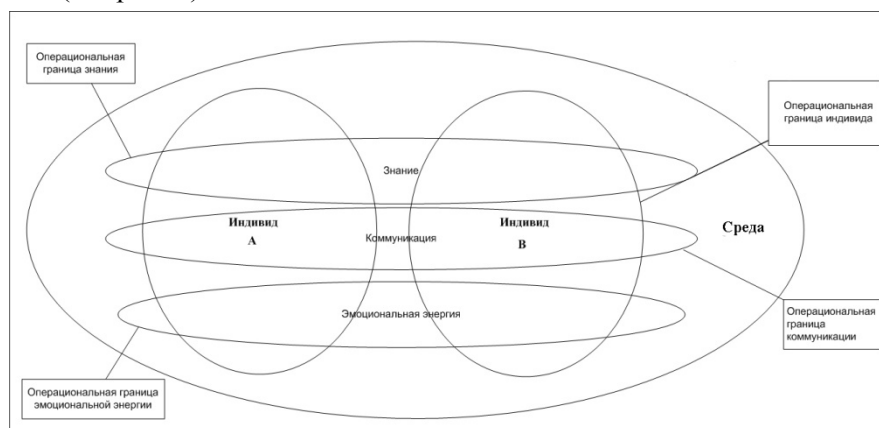
***

Итак, можно заключить, что важнейшими источниками развития знания являются коммуникация и эмоциональная энергия. Знание, коммуникация и эмоциональная энергия динамически со-порождают друг друга и при анализе процессов создания знания должны рассматриваться в комплексе.

Однако при всей их связанности знание, коммуникация и эмоциональная энергия являются самостоятельными, операционально замкнутыми реальностями. Отдельные аппрезентативные соотношения и их связки в разуме, равно как и сетевые структуры знания в целом, невозможно описать через информационные критерии реальности коммуникации или характеристики эмоций и энергии. Аналогичным образом воспроизводящая информацию реальность коммуникации не может быть постигнута иначе, чем через ее собственную логику, а вне реальности эмоциональной энергии не существует эмоционально-энергетических отношений. Поэтому со-порождение реальностей знания, коммуникации и эмоциональной энергии требует их постоянного структурного сопряжения, осуществляемого через взаимодействия индивидов.

Психика каждого индивида при этом сама по себе является операционально замкнутой системой, которая, в конечном итоге, не может быть постигнута достоверно другими индивидами, а только включена в общую сеть структурных сопряжений.

При анализе процессов знанияпорождения необходимо учитывать многомерный конструкт сопряжений операционально замкнутых систем (см. рис. 1).

Рис. 1. Многомерность операциональной замкнутости

Сопряжение психик индивидов как операционально замкнутых систем, а также сопряжение реальностей знания, коммуникации и эмоциональной энергии должно рассматриваться не столько как состояние, сколько как процесс, обеспечивающийся непрерывными интеллектуальными взаимодействиями, различными по форме. Знание генерируется только пока осуществляются эти интеллектуальные взаимодействия, оно нуждается в непрерывном поддерживании: постоянном генерировании (подтверждении) эмерджентной сети смысловых соотношений в ее сопряжении с реальностями коммуникации

и эмоциональной энергии. Не будучи поддерживаемой, эта сеть постепенно распадается, и знание перестает существовать.

Эволюционирование же знания осуществляется через варьирование, возникновение и закрепление отклонений, которые появляются как продукт различий между операционально замкнутыми структурами и наличия границ между ними. Это позволяет не просто фиксировать существующие аппрезентативные связки и бесконечно воспроизводить и передавать описывающую их информацию, но и генерировать новые смысловые комбинации. Такие вариации могут приобрести достаточную силу только в определенных локализованных в пространстве и времени точках роста знания, где сопряжение знания, коммуникации и эмоциональной энергии особенно сильно и где складывается удачная комбинация входящих в резонанс индивидов и среды.

Контекст. Роль общего пространства опыта в создании знания

Взаимопорождение знания, коммуникации и эмоциональной энергии возможно только в том случае, если участвующие в интеракции индивиды находятся в пространственном и временном соответствии, имеют необходимый опыт и представления, уже ранее слышали соответствующие слова и термины в сходных обстоятельствах, усвоили сходные отношения между объектами, содержащими знаки и символы, которые они приняли к использованию как полезные [51, р. 217] и связаны с ними эмоционально. Поэтому необходимым условием самой возможности создания знания является наличие общей среды ко-онтогенеза, в которой укоренено знание и из которой индивидуальные представления получают импульсы изменений и которую индивиды совместно изменяют и насыщают символами, что дает возможность координировать мышление и опосредованно влиять на образы мира друг друга. Наличие такой среды позволяет новациям в знании возникать и усиливаться.

Об общей среде целесообразно говорить как об *общем пространстве опыта*, или общем жизненном пространстве, в котором (и с которым) индивиды осуществляют взаимодействие и которое, как отмечает Х.-Г. Гадамер, обеспечивает взаимопонимание и слияние познавательных горизонтов [33]. Под общим пространством опыта мы понимаем ограниченную область физического и/или виртуального пространства, в которую погружена социальная общность и с которой каждый из участников данной общности взаимодействует как со своей относительно стабильной средой непосредственного опыта. Примерами могут служить: помещение, где размещается творческое объединение, лаборатория, кампус университета, группа в виртуальной социальной сети и т. д.

По мнению К. Маннгейма, индивидуальные представления могут быть увязаны лишь тогда, когда индивид способен проникнуть в особое

экзистенциальное отношение между другим субъектом и объектом опыта, понять его способ восприятия и осмысления реальности и присоединиться к нему. Это возможно только при наличии общего пространства опыта, общей среды, в которой создается «Мы-сфера» опыта [42, р. 194–209]. С таким представлением резонирует и прагматический подход в социологии, в рамках которого знание предстает как укорененное именно в практиках взаимодействия индивидов с объектами.

Новые участники могут присоединяться к знаниевой сети только в том случае, если им удастся перенять способ соотнесения индивидуальных образов мира участников с общей средой опыта и между собой, принять «взаимное участие в круговороте жизни» [20, с. 33]. Именно благодаря наличию общего пространства опыта «...знание с самого начала складывается в процессе совместной жизни группы, в которой каждый обретает знание в рамках общей судьбы, общей деятельности и преодоления общих трудностей» [13, с. 16]. П. Бергер и Т. Лукман говорят об этом процессе как об intersubъективной седиментации, соединении опыта индивидов в «общий запас знания» [3, с. 113].

В общем пространстве опыта, где выстраиваются близкие отношения между участниками процесса коммуникации, зачастую отсутствует рациональный элемент. Это не означает, однако, что там отсутствует рациональное действие, а означает лишь то, что здесь чрезвычайно велика роль эмоций и интуиции в ощущении «Мы-отношений», на основе которых формируется понимание Другого и обеспечивается взаимность перспектив [20, с. 33]. Степень аналитичности, фрагментарности восприятия часто переоценивается: пространство воспринимается как целостность и именно в таком виде выступает объектом сопряжения как для отдельного индивида, так и для социальной общности в целом [35]. В связи с этим столь важно говорить о среде взаимодействия как некоей целостности, обладающей определенной значимой топологией [38] и оказывающей принципиальное влияние на создание знания.

Материальная составляющая общего пространства опыта — значимый аспект его топологии, играющий в создании знания особую роль. Материальность усиливает сопряжение между психиками индивидов, начинающегося за счет укорененности уже на биофизическом уровне. Психика и мышление «встроены» в материальную среду настолько, что еще М. Шелер описывал тело как цельное выразительное поле (не как материально-физический предмет), преданное по отношению ко всякому делению на физическое тело и телесную душу [19, с. 257–276].

Материальная среда во многом конституирует знание, определяет возможности для обучения и получения опыта, усиливает креативность [43, р. 409], прежде всего, за счет прямого индивидуального и

коллективного взаимодействия с материальными объектами (в том числе бессознательного), играющими ключевую роль в координации формирования аппрезентаций и аппрезентативных соотнесений и во-ображаемых объектов, — а значит, и создания знания. Дж. Мид указывал, что Другой может постигаться через идентификацию объектов, которые «связывают время», репрезентируют опыт Другого и реальность его деятельности [44]. С точки зрения Н. Лумана такие материальные объекты, как, например, произведения искусства выступают поводом к коммуникации и поиску значений [41, р. 24] и, более того, создаются «исключительно с целью коммуникации» [21, р. 22].

Мы можем заключить, что объекты стабилизируют психические процессы и деятельность, укореняя их в пространстве, — а значит, фиксируют в данном пространстве знание, коммуникацию и эмоциональную энергию.

Особая специфика материальных объектов заключается еще и в том, что они физически ограничивают (стена) или, напротив, расширяют (мост) возможности доступа к тем или иным областям материального или социального взаимодействия [25, 32]; поэтому, например, специфика конфигурации помещений, в которых работают исследователи, сказывается на их интеллектуальной продуктивности и креативности [28, р. 33].

При этом контекст обеспечивает и порождение вариаций: за счет перемещения объектов в контексте и индивидов между контекстами, а также за счет пересечения контекстов возникают отклонения в привычных аппрезентативных схемах, которые затем могут социально закрепиться.

При анализе создания знания в современном обществе следует рассматривать также и виртуальную составляющую общего пространства опыта, содержащую образы существующих материальных объектов или их аналоги, которыми могут манипулировать индивиды и по поводу которых они могут коммуницировать. Эта составляющая общего пространства опыта конструируется с помощью компьютера и сети Интернет.

Следует помнить, что взаимодействия в виртуальной среде имеют определенную специфику, связанную с редуцированием коммуникации до изображения и/или звука. В частности, Р. Коллинз подчеркивает, что коммуникация на расстоянии при помощи новых ИКТ является неполноценной, поскольку не обеспечивает такого уровня наблюдаемости участниками невербальных сигналов друг для друга, как в случае соприсутствия, и снижает возможности интуитивного восприятия Другого [30, р. 64]. При анализе дистанционных взаимодействий, в ходе которых конструируется виртуальное пространство опыта и виртуальные объекты, следует учитывать эту специфику коммуникации.

Далее мы подробнее рассмотрим механизмы знаниепорождающего взаимодействия индивидов в общем пространстве опыта в единстве коммуникативных, знаниевых и эмоционально-энергетических составляющих.

Процесс знаниепорождения в общем пространстве опыта: ритуалы создания знания

Психическое сопряжение индивидов, делающее возможным генерирование и развитие вариаций в знании, требует фокусированного, локализованного в едином пространстве опыта взаимодействия, которое сопрягает измерения знания, коммуникации и эмоциональной энергии. Наиболее продуктивным способом достижения такого сопряжения, вводящего в резонанс индивидов, которые осуществляют интеракцию, и позволяющего генерировать вариации и одновременно закреплять их в сети знания, является *ритуал создания знания*.

Как демонстрирует концепция интерактивного ритуала, предложенная И. Гофманом [36] и получившая значительное развитие в работах Р. Коллинза [30, 31], ритуалы не являются чем-то сугубо магическим или религиозным, свойственным исключительно традиционным или религиозным обществам: они пронизывают всю социальную реальность и выступают базовым механизмом структурообразования в обществе.

Коллинз описывает интерактивный ритуал как внутренне структурированный механизм взаимодействия между индивидами в реальном времени, в центре которого находится процесс фокусировки внимания на общем объекте или деятельности участников и достижения ими общего телесного микроритма и эмоционального состояния. Условиями интерактивного ритуала являются: (1) сопричастие двух или более людей; (2) границы, не допускающие вхождения аутсайдеров; (3) фокусирование внимания на общем объекте или деятельности; (4) наличие общего настроения или эмоционального состояния. Создавая ситуацию коллективной эмоциональной вовлеченности, эти условия обеспечивают: (1) групповую солидарность; (2) генерирование эмоциональной энергии; (3) создание символов и (4) ощущение моральных правил. В ходе интерактивного ритуала индивиды фокусируют внимание, создают общее настроение и достигают состояния синхронизации активности [30, р. 47–78]. В результате формируются нагруженные значениями и эмоциональной энергией символы. Выработка символов позволяет продлить взаимопонимание, чувство солидарности и эмоциональный подъем и после интерактивного ритуала. Затем по каналам коммуникации в социальных сетях распространяется информация о созданных символах, за счет чего они воспроизводятся и получают дальнейшее развитие, а также используются индивидами в процессе мышления (ведения внутриличностного диалога),

фактически симулирующего интерактивные ритуалы.

Интерактивный ритуал, на наш взгляд, может считаться *ритуалом создания знания* (рис. 2), если в ходе его реализации осуществляется интенсивная когнитивная деятельность (поиск, исследование, интерпретация, выработка понимания и т. д.), связанная с созданием и трансформацией комбинаций смыслов, вне зависимости от того, к каким сферам жизни общества и формам знания эта деятельность относится. (Таким образом, ритуал создания знания в нашем понимании не тождественен интерактивному ритуалу интеллектуалов Р. Коллинза.)

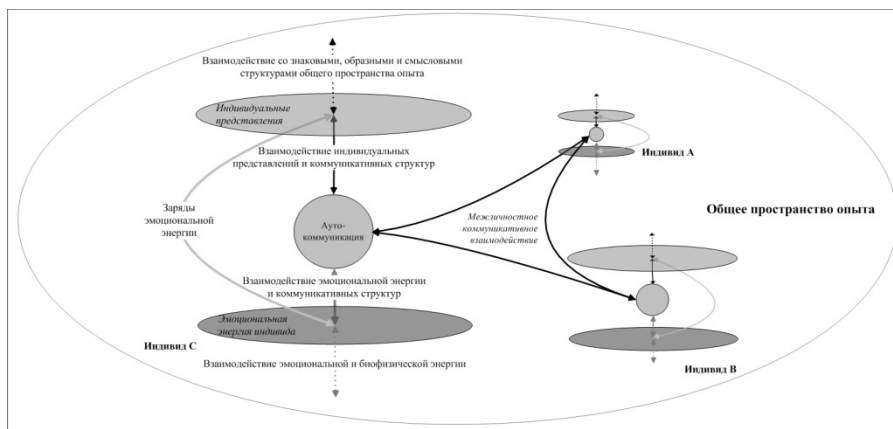
В ритуале создания знания действуют принципы, сходные с описанными выше, однако специфический фокус этого вида интерактивного ритуала обуславливает наличие у него специфических особенностей. Требуется большая, чем обычно, сочетаемость индивидуальных представлений, языка и общей культуры: необходимо знакомство с определенными канонами, парадигмами, принципами, то есть подразумевается включенность в общие сети знания. Как следствие, существует специфика границ для аутсайдеров. Причем это ограничения не столько физические, не столько по социальным или культурным характеристикам, а прежде всего, по принципу включенности в «правильные» знаниевые сети.

В то же время, чтобы знание не просто воспроизводилось, как в любом интерактивном ритуале, а развивалось, позиции участников должны в достаточной степени отличаться, обеспечивая необходимый для рождения новых знаниевых комбинаций уровень разнообразия; и участники должны быть готовы к ведению диалога, изменению своих коммуникативных и знаниевых позиций. Кроме того, необходимы особые объекты фокусировки внимания, объекты знания, специфические для разных сфер создания знания: в науке это книги, статьи, приборы и препараты; в искусстве — произведения искусства; в бизнесе — стратегии и планы и т. д. При соблюдении этих условий в ходе интенсивной коммуникации ритуал создания знания обеспечивает когерентное изменение индивидуальных представлений и уровней эмоциональной энергии. В результате происходит интенсивное структурное сопряжение индивидуальных представлений, а эмоционально-энергетические состояния участников ритуала входят в резонанс. При этом можно говорить о том, что происходит порождение знания, отражаемого во множестве объектов, которые заполняют общее пространство опыта: текстов, знаниевых артефактов, изображений, звуковых и видеосообщений и т. д.

Сгенерированная в ходе ритуала создания знания эмоциональная энергия не только питает дальнейшую фокусированную интеллектуальную активность его участников, но и используется в последующих ритуалах, а также для продвижения результатов совместной работы. Эта энергия чрезвычайно важна, ведь весь процесс создания знания,

который требует коррелирования индивидуальных представлений в длительном рекуррентном взаимодействии, редко удается осуществить за один ритуал, и требуется реализовывать новые ритуалы, чтобы знание сформировалось и устоялось, институционализировалось в рамках данной социальной общности.

На вероятность повторения ритуала в том же составе участников, а значит, и на продолжение процесса создания знания, влияет субъективно ощущаемая участниками успешность проведения ритуала; после следующего успешного ритуала эта вероятность усиливается и так далее — формируется цепочка ритуалов, стимулирующих каждый последующий ритуал. В цепочке ритуалов между участниками постепенно нарастает взаимопонимание, доверие, усиливается когнитивная интеграция, а знание осуществляет постепенный структурный дрейф и претерпевает трансформацию тем более существенную, чем более разнообразные смыслы удалось синтезировать в ментальные модели.

Рис. 2. Ритуал создания знания

При этом для фокусировки внимания используются объекты, которые наполняют общее пространство опыта. За счет этого осуществляется сопряжение индивидов и социальной общности в целом со средой, а также сопряжение индивидов между собой посредством вовлечения в коммуникацию объектов внеиндивидуальной реальности, относительно контекста которых выстраиваются индивидуальные представления. В результате происходит привязка к общей среде пространства опыта, обращение к ней при конструировании индивидуальных представлений и формировании знаниевых сетей. В то же время, работая с объектами в рамках ритуалов создания знания, индивиды видоизменяют их, реконструируя общее пространство опыта, что порождает новые вариации.

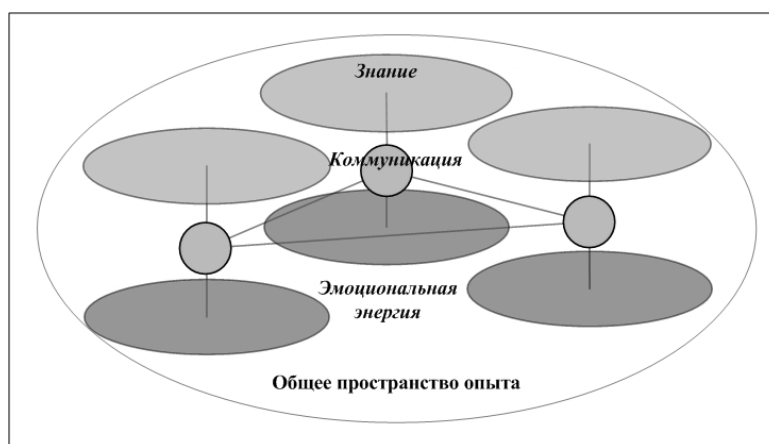
Конструируются динамически развивающиеся сетевые знаниевые структуры, которые имеют выраженные границы, являются целостными, относительно устойчивыми и локализованными в конкретных индивидах, рекуррентно взаимодействующих в некотором общем пространстве опыта. Такие структуры мы для удобства анализа и моделирования предлагаем называть и представлять в качестве *полей знания*. Их следует рассматривать как целостные области, не забывая, однако, об их сетевой внутренней структуре.

Поле знания является одновременно продуктом деятельности по созданию знания и основой для ее продолжения. Это поле индивидуальных структурных сопряжений каждого актора с общей средой опыта, которые координируются коммуникацией, передающей характеризующую знание информацию. При реконфигурации индивидуальных представлений и структуры коммуникативных связей поле знания постепенно переходит в другое состояние, а в случае выхода из взаимодействия критической массы участников утрачиваются элементарные индивидуальные представления, в которых укоренено поле знания, в результате чего оно теряет свою целостность.

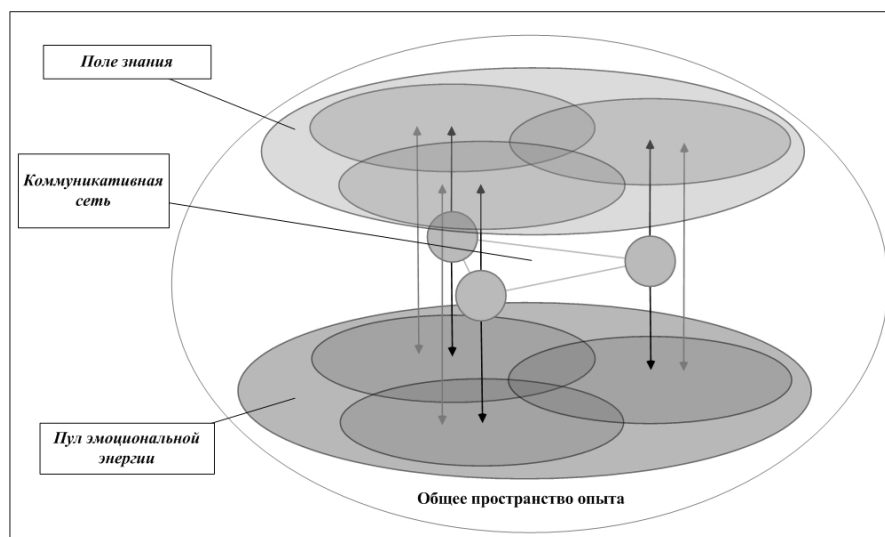
Параллельно с полем знания формируется *пул эмоциональной энергии*, относительно устойчивая и целостная сетевая структура взаимосвязанных эмоционально-энергетических состояний индивидов, рекуррентно взаимодействующих в некотором общем пространстве опыта. Аналогично полю знания, пул эмоциональной энергии представляет собой не хранилище энергии в буквальном смысле, а пространство координации процессов генерирования эмоциональной энергии взаимодействующими индивидами. Существование этого пула, как и поля знания, также возможно именно благодаря повторяющимся ритуализированным интеракциям, в ходе которых индивиды, вовлеченные в процесс сотрудничества, лучше узнают друг друга, выстраивают взаимопонимание и доверие, получают подпитку энергоемкой интеллектуальной деятельности и создают предпосылки для дальнейших ритуалов создания знания. Пул эмоциональной энергии поддерживает коллективные конфигурации смыслов в поле знания, он так же неоднороден и структурирован в соответствии с уровнями эмоциональной энергии (высокая-низкая).

В ходе интенсивной коммуникации в общем пространстве опыта эмоционально-энергетические состояния и индивидуальные представления индивидов приводятся из изначально разрозненного состояния (см. рис. 3) к целостному (см. рис. 4). Формируется синергетическая самоподдерживающаяся система, в которой знание, коммуникация и эмоциональная энергия со-порождают друг друга. Такие системы называют *распределенными когнитивными системами* (system of distributed cognition) [29, 56]. В них люди и наполняющие

пространство объекты взаимодействуют как единый ансамбль для обеспечения целостного познавательного процесса, распределенного в пространстве и времени, который ни один из людей не может реализовать вне данной системы. Такая система осуществляет сопряжение со средой, генерирует информацию и объекты знания, соответствующие ее внутреннему знаниевому сопряжению, и может рассматриваться как коллективный когнитивный субъект, обладающий целостностью и операциональными границами, отделяющими его от внешней среды.

Рис. 3. Знание, эмоциональная энергия и коммуникация на начальных стадиях взаимодействия

Рис. 4. Знание, эмоциональная энергия и коммуникация в распределенной когнитивной системе

В самоподдерживающейся системе коммуникация дает участникам возможность обмениваться информацией для подпитки способности генерировать знание и появления новых импульсов эмоциональной энергии. Эмоциональная энергия стимулирует интеллектуальную деятельность и повторение коммуникативных актов. Изменения в знании провоцируют изменения в структуре коммуникативной сети и выплески эмоциональной энергии. Благодаря аутокоммуникации это происходит при взаимовлиянии и взаимообусловливании внутрличностного и межличностного уровней.

Заключение

Итак, мы проанализировали механизмы порождения знания в ходе пространственно локализованной социальной интеракции. В заключение можно сделать следующие выводы.

Во-первых, знание представляет собой результат структурного сопряжения третьего порядка (между индивидами и, одновременно, между индивидами и средой), обеспечивающий группе адаптивную способность и способность к действию. Создание знания подразумевает формирование оригинальных структурных конфигураций в сети укорененных в индивидуальных психиках и среде аппрезентативных соотношений.

Во-вторых, создание знания неразрывно связано с коммуникативными и эмоционально-энергетическими аспектами межличностного взаимодействия. Знание, коммуникация и эмоциональная энергия представляют собой три измерения интеллектуального взаимодействия, а процесс создания знания неотделим от процессов коммуникации и генерирования эмоциональной энергии и должен рассматриваться только в контексте коэволюции знания с другими двумя измерениями.

В-третьих, процесс знанияпорождения всегда локализован в некотором общем пространстве опыта, которое позволяет индивидам выстраивать комплексы аппрезентативных соотношений, увязанных между собой и со средой, что обеспечивает взаимопонимание. Создавая и изменяя контексты, пересекая их, а также меняя круг взаимодействия, индивиды осуществляют трансформацию знания.

В-четвертых, ключевым механизмом коллективной интеллектуальной работы, направленной на создание знания в общем пространстве опыта, является ритуал создания знания. Модель такого ритуала, разработанная нами, описывает резонансное сопряжение знания, коммуникации и эмоциональной энергии в ходе интеракции в реальном времени. Это сопряжение компенсирует границы операциональной замкнутости и стимулирует возникновение и закрепление вариаций. В результате реализации цепочек, состоящих из повторяющихся ритуалов создания знания, складываются распределенные когнитивные

системы, которые характеризуются контекстуальной укорененностью, целостностью и динамичностью и являются точками роста знания.

Полученные результаты могут использоваться как в дальнейших исследованиях принципов создания знания и источников роста знания, так и при управленческом стимулировании знаниепорождающих процессов в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басов Н.В.* Исследовательские стратегии изучения социальных инноваций в контексте концепции общества знания // *Общество знания: от идеи к практике. Коллективная монография в 3-х частях. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знания* / Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. СПб.: Скифия-принт, 2008. С. 144–203.
2. *Бейтсон Г.* Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д.Я. Федотова, М.П. Папуша. М.: УРСС, 2000.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
4. *Василькова В.В., Басов Н.В.* Интеллектуальный ландшафт: концептуализация метафоры // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. XIV(4). С. 22–40.
5. *Василькова В.В., Басов Н.В.* Интеллектуальный ландшафт: самоорганизация знания в сетевых коммуникативных структурах // *Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности* / Под ред. В.И. Аршинова и Е.Н. Князевой. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 127–148.
6. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. Т. 2. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
7. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
8. *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вст. статья Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
9. *К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО.* Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2005.
10. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
11. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971.
12. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007.
13. *Маннгейм К.* Идеология и утопия: Пер. Ч. 1 / Отв. ред. Я.М. Бергер. М.: ИНИОН, 1976.
14. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
15. *Ненько А.* Эмоции в познании и создании знания [Неопубликованная рукопись, используется с разрешения автора].
16. *Порус В.Н.* Философия науки: изменение контуров // *Язык, знание, социум: Проблемы социальной эпистемологии* / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2007. С. 14–32.

17. *Рикер П.* Живая метафора // Теория метафоры: Сборник / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
18. *Россохин А.В., Измагурова В.Л.* Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии. М.: Смысл, 2004.
19. *Шелер М.* Социология знания // Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. Ч. 1 / Пер. с англ., фр., нем., итал.; Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 160–171.
20. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ.: В.Г. Николаев и др.; Сост.: Н.М. Смирнова; Общ. и науч. ред., послесл. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
21. *Шюц А.* Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 222–237.
22. *Argote L.* Organizational learning: Creating, retaining, and transferring knowledge. Norwell, MA: Kluwer Academic Publishers, 1999.
23. *Basov N.* Knowledge creation in the intellectual networks // Understanding knowledge creation: Intellectuals in academia, the public sphere and the arts / Ed. by N. Basov and O. Nenko. Amsterdam, New York: Rodopi, 2012. P. 183–206.
24. *Ben-Ze'ev A.* The subtlety of emotions. Cambridge: MIT Press, 2000.
25. *Bereiter C.* Education and mind in the knowledge age. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002.
26. *Bloor D.* Science and social imagery. Chicago: Routledge, 1976.
27. *Carley K.M.* Knowledge acquisition as social phenomenon // Instructional Science. 1986. Vol. 14. P. 381–438.
28. *Coenen T.* Knowledge sharing over social networking systems. Doctoral Thesis. Brussel: Vrije Universiteit Brussel, 2006.
29. *Cognition Distributed.* How cognitive technology extends our minds / Ed. by I.E. Dror & S. Harnad. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008.
30. *Collins R.* Interaction ritual chains. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2004.
31. *Collins R.* The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
32. *Engeström Y.* Activity theory and individual and social transformation // Perspectives on activity theory / Ed. by Y. Engeström, et al. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 19–38.
33. *Fisher K., Fisher M.D.* Distributed Mind: Achieving high performance through the collective intelligence of knowledge work teams. New York: AMACOM, 1998.
34. *Gibbons M.* The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary societies. London: Sage, 1994.
35. *Gibson, J.J.* The ecological approach to visual perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.

36. *Goffman E.* Interaction ritual. New York: Anchor Books, 1967.
37. *Lévy-Bruhl L.* Primitives and the Supernatural. New York: E.P. Dutton & Co., 1935.
38. *Lewin K.* Principles of topological psychology. New York and London: McGraw-Hill, 1936.
39. *Lewis, M.D.* Bridging emotion theory and neurobiology through dynamic systems modeling // Behavioral and Brain Sciences. 2005. No. 28. P. 169–194.
40. *Ludvigsen S.* Sociogenesis and cognition. The struggle between social and cognitive activities // Transformation of knowledge through classroom interaction / Ed. by B. Schwarz, T. Dreyfus and R. Hershkowitz. London: Routledge, 2009. P. 302–318.
41. *Luhmann N.* Art as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2003.
42. *Mannheim K.* Structures of thinking. London: Routledge, 1982.
43. *McCoy J.M. & Evans G.W.* The potential role of the physical environment in fostering creativity // Creativity Research Journal. 2002. No. 14. P. 409–426.
44. *Mead G.H.* The social Self // Journal of Philosophy. 1913. No. 10. P. 374–380.
45. *Meusburger P.* Milieus of creativity: The role of places, environments, and spatial contexts // Milieus of creativity: An interdisciplinary approach to spatiality of creativity / Ed. By P. Meusburger, J. Funke, E. Wunder. Berlin: Springer, 2009. P. 97–154.
46. *Mitroff I.* The Subjective side of science. Amsterdam: Elsevier, 1974.
47. *Monge P.R., Contractor N.S.* Theories of communication networks. New York: Oxford University Press, 2003.
48. *Monge P.R., Eisenberg E.M.* Emergent communication networks // Handbook of organizational communication / Ed. by F.M. Jablin, L.L. Putnam, K.H. Roberts, L.W. Porter. Newbury Park: Sage, 1987. P. 304–342.
49. *Moscovici S.* Notes towards a description of social representations. European Journal of Social Psychology. 1988. No. 18. P. 211–250.
50. *Nonaka I., Takeuchi H.* The knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. New York: Oxford University Press, 2003.
51. *Polanyi M.* Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy. Chicago: University Of Chicago Press, 1958.
52. *Rentch J.R., Delise L.A., Hutchinson S.* Transferring meaning and developing cognitive similarity in decision-making teams: Collaboration and meaning analysis process // Macrocognition in teams: Theories and methodologies / Ed. by M.P. Letsky, N.W. Warner, et al. Hampshire: Ashgate Publishing Limited, 2008. P. 127–142.
53. *Shannon C., Weaver W.* The Mathematical theory of communications. Urbana: The University of Illinois Press, 1949.
54. *Stehr N., Adolf M.* Knowledge. [Unpublished manuscript. Used with author's permission]. 2010.
55. *Vygotsky L.* Mind in society. The development of higher psychological processes / Ed. by M. Cole, V. John-Steiner, S. Scribner, E. Souberman. Cambridge: Harvard University Press, 1978.
56. *Winsor D.* Learning to do knowledge work in systems of distributed cognition // Journal of Business and Technical Communication. 2001. Vol. 15(1). P. 5–28.